

В стране есть три медиагиганта: Хуаньин Медиа, Синши Медиа и старейший игрок T&G, который за последние пару лет прочно закрепился на международной арене. Можно сказать, что для любого человека из индустрии кино и телевидения попасть на борт одного из этих трех кораблей означает качественный скачок в карьере, а дальнейший путь становится ровным и безоблачным. И наоборот, если кто-то из этой тройки объявляет бойкот, это равносильно изгнанию в холодный дворец: будущее такого человека можно считать похороненным.

К несчастью, Янь Цзибэй оказался тем самым неудачником, которого капитал втоптал в бездну, и сколько бы он ни пытался выбраться, всё было тщетно.

Когда-то его дипломная работа была вознесена на пьедестал, он собрал столько наград, что руки уставали их носить, и стал настоящей звездой в узких кругах. Еще не успев получить диплом, он получил предложения от множества кинокомпаний. Тогда Янь Цзибэй только начинал свой путь, он был молод, амбициозен, а всеобщее обожание лишь убеждало его, что он достоин большего. Он смотрел свысока на мелкие компании, предлагавшие сотрудничество, и нацелился на трех гигантов, полагая, что с его талантом и данными он быстро займет достойное место в индустрии.

Однако он недооценил порог вхождения. Ни один из трех гигантов не захотел с ним связываться. T&G даже отказали ему сразу из-за отсутствия докторской степени. А Хуаньин и Синши, проявив максимум снисходительности, предложили лишь позицию ассистента, заявив, что никакие прошлые награды не дадут ему права на особое отношение. Каждый год в индустрии кто-то объявлялся гением, и гиганты уже успели от этого устать. Им не нужен был кто-то с завышенным самомнением, способный нарушить их отлаженную систему.

Тот период стал для Янь Цзибэя тяжелым ударом. Он заперся в своей комнате, перестал общаться с людьми и с головой ушел в творчество. Спустя год молчания он написал Смертельный удар в Хоучене — историю, которая стала его самой любимой работой со времен дипломной. Янь Цзибэй был уверен, что теперь Хуаньин и Синши увидят его потенциал.

Он отправил рукопись, и через три дня ему позвонили из Хуаньин Медиа. В тот момент он решил, что наконец-то разогнал тучи и увидел солнце.

— Они меня обманули, — Янь Цзибэй потер щетину на подбородке, из-за чего в свои двадцать пять выглядел гораздо старше. — Контракт, который они заставили меня подписать, не делал меня частью их команды. Они просто выкупили права на мое произведение.

Он горько усмехнулся:

— Можешь себе представить? Я вел себя как идиот, даже не вчитался в договор — просто подписал. Поверил их красивым словам, думал, что как только они выкупят права, я смогу гордо носить звание человека из Хуаньин Медиа. Думал, что после выхода фильма я вмиг превращусь из новичка в известного режиссера, и тогда мне не придется беспокоиться о ресурсах и деньгах для будущих съемок. А в итоге, когда фильм вышел, я оказался никем.

Ли Хэн выслушал жалобы и стенания Янь Цзибэя без особого рвения. Его мысли были заняты другим: он то и дело вставлял короткое «угу», чтобы показать, что слушает, а сам обдумывал, можно ли использовать этого человека, столь важного для оригинального сюжета. В глазах Янь Цзибэя он был полным неудачником, но Ли Хэн знал, что произведение, которое все отвергли, в будущем обретет бесконечную ценность.

Учитывая, что после отключения Системы Ли Хэну придется прожить в этом мире целую жизнь, ему нужно было думать о будущем со своей колокольни. Ли Хэн, всю жизнь провоевавший, не умел ни играть в кино, ни петь, ни ходить по красным дорожкам. Все эти штучки маленьких звезд были для него куда сложнее, чем прострелить голову врагу на поле боя. А появление Янь Цзибэя стало неожиданностью, которую не предвидела даже Система.

Ли Хэн внезапно задумался: если этот человек выживет, как изменится сюжет? Если произведение, которое через десять лет потрясет мир, выйдет раньше, произведет ли оно такой же фурор? И если Янь Цзибэй не умрет, можно ли его использовать? В одно мгновение в голове пронеслось множество мыслей.

— Я смог написать Смертельный удар в Хоучене, значит, смогу написать и другое. Я не собирался сдаваться, более того, я был настолько самонадеян, что верил, будто мой новый сценарий поможет мне взять реванш, — продолжал Янь Цзибэй. — Но пару месяцев назад, когда я обивал пороги со своей новой рукописью, я понял, насколько далеко зашли в Хуаньин. Они объявили мне бойкот, и никто в индустрии не осмелился пойти против них. Тогда я наконец осознал: мне конец.

Ли Хэн внезапно спросил:

— Дела со съемками идут плохо, поэтому решил покончить с собой?

— Не только из-за этого.

Вино закончилось, и Янь Цзибэй словно протрезвел. Его напускная эмоциональность исчезла, уступив место усталости.

— Мой младший брат недавно поступил в столичный медицинский институт. Он с детства был прилежнее и послушнее меня. У меня всё идет наперекосяк, а у него блестящее будущее. Иногда я думаю, что жизнь — это череда ошибок. Раньше я считал брата тугодумом, а теперь понял, что идиот здесь я. Родители, кажется, тоже махнули на меня рукой: последние полгода даже не звонят, чтобы отчитать. Когда живешь один так долго, пропадает азарт и любое желание творить. Я потерял интерес к этому миру.

— Три года после выпуска, — он усмехнулся с самоиронией. — Из гения я превратился в ничтожество, которое ничего не добилося. К тому же, я влез в долги к ростовщикам.

— Ростовщики? — Ли Хэн приподнял бровь.

— Нет ни работы, ни друзей, жизнь становилась всё тяжелее, пришлось обратиться в кредитную контору. Сначала взял три тысячи, потом десять. Поначалу отдавал, а потом понял, что дыра становится только больше. Залатать ее не вышло, и я пустился во все тяжкие. В тот день я разом занял сто тысяч, думая, что как только потрачу их, то умру.

Янь Цзибэй смущенно почесал затылок:

— Но не прошло и месяца, как деньги кончились.

— И это всё, чего стоит твоя жизнь? Десять тысяч?

— Да нет же! — возразил Янь Цзибэй. — С процентами там вышло больше сорока тысяч!

Система внезапно вмешалась:

— Послушай, он что, решил покончить с собой только потому, что не может вернуть долг?

Ли Хэн проигнорировал Систему и с бесстрастным лицом посмотрел на Янь Цзибэя:

— Сорок тысяч могут сломить человека?

— Разве нет?

Услышав этот уверенный вопрос, Ли Хэн промолчал.

— Ладно, брат, спасибо, что выслушал мое нытье.

Янь Цзибэй решил, что Ли Хэну надоело его слушать. Он встал, достал из кармана небольшой внешний жесткий диск и протянул его Ли Хэну:

— Здесь все мои работы за эти годы: романы, сценарии, готовые видео и всякая всячина. Если считаешь, что это чего-то стоит — оставь себе, не нужно — можешь выбросить в мусорный бак.

Сказав это, он потянулся и посмотрел на реку затуманенным от алкоголя взглядом, готовясь в этот не самый подходящий момент и не самым достойным образом покинуть мир. Янь Цзибэй чувствовал, что каждый его шаг был пропитан прошлым невежеством. Погоня за легкой выгодой ослепила его и превратила жизнь в хаос. Назад дороги не было, оставалось только идти до конца.

Подойдя к ограждению, Янь Цзибэй поежился от встречного ветра. Его руки дрожали, в голове кружились тысячи мыслей. Он думал: пора закончить, закончить всё это. Справедливо это или

нет — уже не важно. Никакие таланты, амбиции, слава или богатство ему больше не нужны. Стоит только прыгнуть, и все сожаления останутся в прошлом. Только прыгнуть...

Но прежде чем он успел взобраться на ограждение, сильная рука схватила его за воротник, без труда подняла в воздух и отшвырнула на землю.

— Ой!

Янь Цзибэй плюхнулся на асфальт. Решимость умереть, которую он так долго в себе копил, мгновенно испарилась, оставив лишь сердцебиение от пережитого страха. Он тяжело дышал, растерянно глядя на Ли Хэна, который его остановил.

— Тебе... тебе не нужно было меня спасать. Я правда не хочу жить, я...

Он осекся на полуслове, заметив, что выражение лица Ли Хэна совсем не похоже на сочувствие. Мужчина спас его, но не собирался ни утешать, ни отговаривать. Он просто смотрел на него свысока и, пока Янь Цзибэй бессвязно бормотал, швырнул ему обратно тот самый жесткий диск.

Янь Цзибэй тупо обхватил диск со своими работами и поднял на него озадаченный взгляд:

— Ты хочешь, чтобы я умер вместе с ним?

— ...

Ли Хэн усмехнулся, приподняв бровь. У него не было ни желания читать нотации, ни настроения вести душевные беседы. Он посмотрел на Янь Цзибэя и бросил:

— Даю тебе шанс перестать быть ничтожеством. Берешь?

Ветер у реки подхватил его слова, и в голосе невозможно было уловить никаких эмоций. Янь Цзибэй долго молчал, пытаясь понять, насмешка это или в словах Ли Хэна скрыт глубокий смысл.

Ли Хэн стоял перед ним в футболке и широких шортах, выглядя расслабленным и свободным, но в этой расслабленности чувствовалась скрытая сила и решительность. Бросив фразу, он замолчал, ожидая ответа.

Трудно сказать, что именно заставило Янь Цзибэя прозреть — одно лишь слово Ли Хэна или его необъяснимая уверенность. Янь Цзибэй чихнул от порыва холодного ветра, окончательно протрезвел, посмотрел на Ли Хэна и, кивнув, ответил:

— Бepу.

<http://bllate.org/book/19849/1954012>